

Исследовательская статья

УДК 008+394.2+394.46+398.22+304.44

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-113-127>

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕРБОВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В СОСТАВЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ (1878–1908)

Зорка Шарац¹, Елена Владимировна Воевода²

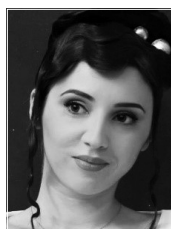
МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ zorka.sharats@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8704-8554>

² e.voevoda@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5141-8074>

Аннотация. В статье раскрываются причины кризиса национально-культурной идентичности сербов в период австро-венгерской оккупации и аннексии, приведшие к изменениям их самосознания. Данная цель статьи достигается путём углублённого анализа актуальных источников, представляющих взгляды сербских и российских учёных на исследуемую проблему. Используя сравнительно-исторический и социокультурный подходы, авторы выделяют такие ключевые факторы, влияющие на формирование культур-

ной идентичности, как родной язык, этничность, общность территории, религия, жилище и образ жизни, пища, обычаи и традиции, фольклор и литература, художественное наследие и историческое прошлое. Хронологически показано, как развивалась и менялась структура общества на территории современного боснийского государства. Авторы анализируют положение народов Боснии и Герцеговины (БиГ) в составе Австро-Венгрии, сравнивая их статус в обществе, а также причины выбора боснийских мусульман и хорватов в качестве опоры новой власти. Основными детерминантами, способствовавшими сохранению культурной идентичности сербов, являются косовская и святосавская традиции, тесно связанные с православием. Показаны совместные усилия народов, населяющих современную Боснию и Герцеговину, в борьбе против оккупантов, что проявилось в деятельности организации «Молодая Босния», стремившейся к сохранению национальной идентичности и созданию единого сербского государства. Авторы делают вывод, что кризис национально-культурной идентичности сербов Боснии и Герцеговины был вызван не только социально-политическими причинами, но и историческим столкновением трёх цивилизаций и культур: южнославянской, восточной

и западной. В статье обозначены маркеры национальной и культурной идентичности сербов БиГ, разрушение которых привело к кризису.

Ключевые слова: культурная идентичность, национальная идентичность, оккупация, сербы, православные христиане, мусульмане, католики

Для цитирования: Шарац З. Кризис национально-культурной идентичности сербов Боснии и Герцеговины в составе Австро-Венгрии (1878–1908) / З. Шарац, Е.В. Воевода // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 113–127. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-113-127>

Research article

NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY CRISIS OF BOSNIA AND HERZEGOVINA SERBS WITHIN AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE (1878–1908)

Zorka Šarac¹, Elena V. Voevoda²

MGIMO University, Moscow, Russia

¹ zorka.sharats@gmail.com

² e.voevoda@my.mgimo.ru

Abstract. The purpose of this article is to reveal the causes of national and cultural identity crisis of Serbs in Bosnia and Herzegovina during the period of Austro-Hungarian occupation and annexation, which led to modifications of their self-identity. The paper meets this research aim through an extensive study of the relevant literature presenting the views of Serbian and Russian scholars. On the basis of comparative-historical and socio-cultural approaches, the authors collate the existing definitions of ethnic, national and cultural identity and define the crucial factors that make the cornerstone of cultural identity: mother tongue, ethnicity, territory, religion, habitat, food, mode of life, customs and traditions, folklore and literature, artwork and historical past. They go on to chronologically identify the developments and changes of society on the territory of the present-day Bosnian state. The article further analyzes the position of the peoples of Bosnia and Herzegovina within Austria-Hungary comparing their status in society and explains the choice of Bosnian Muslims and Croats as the pillar of the new government. The research produced a number of key findings. The key determinants that formed and helped to preserve Serbian cultural identity through ages are Orthodox Christianity based on St. Sava sacred tradition and the Kosovo myth, a half-historical, half-legendary event that formed the heroic and spiritual code of values and serves as a gospel in preserving Serbian cultural identity. Another feature that produced a significant impact on transforming cultural identity of Bosnian Serbs was conversion to Islam on part of some Bosnians who came to be known as Bošnjaks. Along with Islam and Orthodox Christianity, part of the Serbian population of Bosnia and Herzegovina belonged to the Roman Catholic Church, identified themselves as Croats who spoke Croatian and used Latin script. Thus the indigenous south Slavonic ethnic group of Serbs who had the same historical background and spoke the same language was divided by religion and, partially, the language — the pivotal determinants of identity. The paper demonstrates the joint efforts of the peoples inhabiting the present-day Bosnia and Herzegovina in their struggle against

the occupants which were manifested in the activities of Young Bosnia, an organization that aimed at preserving national identity and creating a united Serbian state. The authors conclude that the problem of national and cultural identity crisis of Bosnia and Herzegovina Serbs finds its roots in the historical clash of three civilizations and cultures — south Slavonic, oriental and western. The article identifies the markers of national and cultural identity of Bosnia and Herzegovina Serbs, the disintegration of which led to a crisis.

Keywords: cultural identity, national identity, occupation, Serbs, Orthodox Christians, Muslims, Catholics

For citation: Šarac, Z., Voevoda, E. V. (2021) 'National and cultural identity crisis of Bosnia and Herzegovina Serbs within Austro-Hungarian Empire (1878–1908)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(3), pp. 113–127. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-113-127>

Босния и Герцеговина является полиэтническим и поликультурным государством, населённым сербами (30,78%), хорватами (15,43%), бошняками (босняками)¹, или мусульманами (50,11%), и представителями 17 этнических меньшинств, составляющих 3,68% (албанцы, цыгане, черногорцы, евреи, македонцы, словенцы, чехи, итальянцы, венгры, немцы, поляки, румыны, русские, русины, словаки, турки, украинцы) [Lalić, Francuz, 2016: 156–157]. Нельзя не согласиться с Т. Толевой, отмечающей, что «этот регион этнически неоднороден, представляя собой мозаику из смешанного населения, относительно компактные группы которого живут вместе, и поэтому практически невозможно очертить «национальные» границы, не причиняя ущерба другим этническим группам и, следовательно, не создавая предпосылок для серьёзных конфликтов» [Толева, 2018: 62]. Одной из проблем является определение культурной идентичности каждого этноса — эта часть бывшей Югославии отличается тем, что её жители используют два вида письменности для одного языка (кириллицу и латиницу) и принадлежат к трём разным конфессиям — православию, католицизму, исламу: культурная и «этническая самобытность мусульман, равно как и сербов, и хорват, <...> обуславливается

религиозной принадлежностью» [Абазович, 2014: 26]. Исследования показывают, что проблема имеет глубокие исторические корни.

Изучение этногенеза трёх основных этносов Боснии и Герцеговины (БиГ) показывает историческое славянское родство сербов и бошняков. Что касается хорватов, то теории об их происхождении, которые до сих пор являются предметом споров, не рассматриваются в настоящей статье, т.к. выходят за её рамки. Отметим, однако, что наиболее популярной является теория о западнославянском происхождении хорватов [Džino, 2010; Y chromosomal heritage..., 2003; Гуськова, 2001].

Для понимания сути поставленной проблемы необходимо, уточнив различия между культурной, этнической и национальной идентичностью, выявить причины возникновения кризиса национальной и культурной идентичности сербов БиГ в период Австро-Венгерской оккупации с использованием сравнительно-исторического подхода и анализа факторов, повлиявших на формирование сербской культурной идентичности, а также факторов, вызвавших кризис культурной идентичности сербов БиГ.

При существующем обилии определений идентичности (Дж. Локк, Э. Эрик-

¹ Бошняки (босняки) — сербы, принявшие ислам после Османского завоевания Балкан. Впервые слово «мусульмане» использовано как индикатор этнической принадлежности при переписи населения в 1961 г., с 1971 г. слова «бошняки» и «мусульмане» употребляются как синонимы для обозначения этнической принадлежности.

сон, Ю. Хабермас, Дж. Марсиа, Э. Гидденс, М.В. Заковоротная, Л.Б. Шнейдер и др.), необходимо отметить отсутствие единого подхода к вычленению типов идентичности и их дефиниций. Современные исследователи рассматривают идентичность «как тяготеющее к стабильности базовое свойство человека, которое <...> определяет самоидентичность человека в пространстве и времени и в результате единого процесса социализации и индивидуализации развивается в сложную систему»². Говоря о сущностных характеристиках идентичности, подчёркивают её коммуникативный и социальный аспекты [Буденкова, Савельева, 2016: 32], отмечая, что формирование идентичности индивида происходит в течение всей жизни и «проходит через преодоление кризисов» [Катбамбетова, 2013: 110].

Этническая идентичность тесно связана с восприятием этноса и предполагает отождествление себя с группой людей, объединённых общим языком, историческим наследием, экономическими отношениями, особенностями самосознания, культурными и религиозными практиками и традициями [Fong, Chuang, 2004: 218; Кочетков, 2012: 158]. Описывая признаки, определяющие этническую идентичность, этнолог М.Н. Губогло отмечает, что, в ходе проведённого опроса жителей Гагаузии (Молдавия), при определении родства со своим народом, представители различных этнических групп «избирали (по нисходящей) язык, общность судьбы, традиционную культуру своего народа, землю, где родился, этническую идентичность родителей, национальную одежду, пищу, образ жизни, обряды и ритуалы, память о предках» [Губогло, 2017: 121]. Этническая идентичность формируется и транслируется через семью, социальные и межпоколенческие связи [Селиверстова, 2012: 80; Торопова, 2010: 226].

Говоря о разнице между этнической и национальной идентичностью, отметим,

что «первая является более ранней формой социальной жизни и больше связана с культурой, а вторая <...> больше связана с гражданством» [Русских, 2013: 180]. Национальная идентичность, неразрывно связанная с понятием «нация», подразумевает общность территории, исторического опыта, экономической деятельности и ресурсов; культурное единство (язык, религия) [Кочетков, 2012: 152-153] и государственность — здесь национальная идентичность перекликается с гражданской идентичностью. Этнологи и политологи отмечают, что это понятие включает этнический компонент [Губогло, 2017: 124], но он «не выступает сущностным атрибутом» [Шамсутдинова, Турханова; 2016: 58] понятий «нация» и «национальная идентичность» — на первый план выходит принадлежность к гражданскому сообществу в рамках государства, которое формирует национальную идентичность, используя «языковую политику, политическую символику и историческую память. Итогом <...> становится гражданская (в узком смысле национальная) идентичность, определяющая коллективное самосознание членов государства как единого, значимого для всех сообщества» [Пономарева, Попадьева, 2019: 102]. Важным компонентом национальной идентичности является культура (этническая, религиозная и т.п.), выступающая в качестве духовного ресурса нации [Астафьева, 2016: 33]. Основными маркерами национальной идентичности являются государственный язык, институты государственной власти и государственная символика, территория, религия, государственные праздники, национальное искусство, общая история [Вальгер, 2016: 91].

Культурная идентичность формируется как принятие социокультурных норм, верований, ценностей, языка, эстетики, социально-поведенческих императивов, культурного наследия и отождествление себя с определённым набором культурных

² Карпов В.В. Формирование профессиональной идентичности студентов-международников в условиях российского вуза : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08. — Москва, 2019. — С. 17.

практик и традиций³ [Русских, 2013: 178; Lustig, Koester, 2010: 145–146]. Культурная идентичность осознаётся при столкновении с представителями иной культуры, имеющими отличия в облике, поведении, приёме пищи или проявляющими приверженность иным ценностям, причём противопоставление культурных практик может приводить к конфликтам. В тех случаях, когда в результате миграции, политических или социокультурных перемен происходит столкновение новой культуры и привычной культуры, с которой индивид или группа себя идентифицируют, может наступить кризис культурной идентичности — слом старой и несформированности новой культурной принадлежности [Kaul, 2012: 342; Meissner, 2006: 31], выражающийся, в частности, в отказе от привычной системы ценностей и историко-культурных вех, сохранённых коллективной памятью народа. Именно коллективная память превращает исторические события в позитивные или негативные признаки идентичности [Митрович, 2019: 58–59]. В этом случае маркерами культурной идентичности выступают: родной язык; этническая принадлежность; историческая территория проживания; религия; жилище, быт, одежда, пища; народное творчество и литература; обычаи и традиции; историческое прошлое.

Самосознание человека во многом зависит от влияния внешних факторов, в том числе от воздействия социальной среды [Будич, 2017: 17]. Вопрос о том, какие нормы сложились в процессе формирования культурной идентичности народов Боснии и Герцеговины (и, в частности, сербов), остаётся неизменным поводом для разногласий исследователей, изучающих данную проблематику. Именно эти разногласия придают актуальность вопросу «кто есть сербы?».

Полагаем, что ответ на этот вопрос может быть найден при анализе исторического процесса и тех испытаний, с которыми

столкнулись сербы, стремясь сохранить свою культурную идентичность. В период османского, а затем австро-венгерского господства они не имели широких возможностей развивать свою культуру, фундамент которой был заложен ещё во времена династии Неманичей. Сербский историк, культуролог и литературовед Мило Ломпар считает, что не существует определённого образца культурной идентичности сербов, однако выделяет следующие элементы, способствовавшие её формированию:

- 1) Святосавская традиция как фундамент сербской культурной идентичности;
- 2) косовская традиция, отражённая в фольклоре;
- 3) период миграции сербского населения, известный в истории как Великое переселение сербов из Османской Империи в Габсбургскую монархию;
- 4) секуляризм и идея формирования национальной идентичности.

Святосавская традиция восходит к религиозной, культурной и политической деятельности сербского Святителя Саввы, основавшего в 1219 г. автокефальную Сербскую православную церковь и ставшего её первым архиепископом. Просветительская роль церкви повлияла на повышение культурного уровня сербского народа, формирование системы ценностей и гражданских обязанностей. Этническое единство, по словам В. Чоровича, было в те времена недостаточно осознанным и не могло остановить внутренние столкновения сербов, однако религиозное единство в рамках Святосавской традиции оказалось весьма эффективным [Ђоровић, 2006: 149].

Косовская традиция оставила глубокий след в исторической памяти сербов: поражение в битве на Косовом поле (1389) стало переломным событием, остановившим развитие государства Неманичей. Этот мотив отражён в косовском цикле — героических песнях, «которые по своему идейному наполнению и средствам выразительности не уступают большим эпическим формам»

³ Khadem Makhsum Hosseini L. Transformation of Iranian Women's Cultural Identity: Thesis for PhD degree in Cultural Studies. Moscow, 2018, p. 27.

[Миленкевич, 2011: 155], призывая к жертвенности и выполнению долга перед родиной. Гибель предводителя сербов князя Лазаря рассматривается как жертва, принесённая для сохранения национальной свободы, православной традиции и как пример для подражания. Поскольку «косовский цикл даёт представление о ценностях, правилах и нормах поведения» [Миленкевич, 2011: 156], косовская этика, как считает В. Чорович, стала видом «национального евангелия» [Ђоровић, 2006: 264-266]. События на Косовом поле, получившие в современной историографии название «Косовский миф», интерпретируются с разных позиций историками, филологами, философами и культурологами, а сегодня всё чаще выступают в качестве аргументов политических выступлений [Колосков, 2016: 153].

Османский период в истории БиГ (1463–1878) привёл к коренным изменениям культурной и этнической идентичности в ходе массовой исламизации сербов. Говоря о сербах-мусульманах, нельзя забывать, что со второй половины XIX в. и до сегодняшнего дня, в зависимости от территории проживания, они идентифицировали себя по-разному: сначала говорили о своей османской, затем о сербской идентичности и, наконец, признали себя бошняками. Следовательно, речь идёт о группе, которая на протяжении нескольких веков испытывала кризис идентичности. Практика показывает, что часто идентичность реформируется, находясь под угрозой, — именно тогда «всплывают» остатки подавленного национального самосознания в виде исторической памяти и народной традиции: «Коллективная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности. Эти знаки становятся знаками идентификации, отличительными маркерами “своих”» [Махинин, 2017: 59]. Неслучайно Л.Ю. Пахомова отмечает, что в 1860-х гг. на территории Боснии и Герцеговины «наблюдался феномен этноконфессионального противостояния внутри народа с общим историческим прошлым и единым языком» [Пахомова, 2009].

Для оценки австро-венгерского периода в истории народов Боснии и Герцеговины

характерна неоднозначность: с одной стороны, администрация прилагала усилия к развитию промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры края [Пахомова 2008, 2009], открывала театры и музеи; с другой стороны, при этом проводилась политика языковой и культурной германизации и унификации негерманоязычных славян [Бирюков, 2018: 196–197]. Неудивительно, что европейские (точнее, (австро) немецкие и венгерские) обычаи и ценности не всегда встречали понимание среди местного населения, имевшего собственную культурную традицию и систему ценностей. Фактически, «в Боснии и Герцеговине возник вопрос диалога восточной и европейской цивилизаций» [Пахомова, 2008].

Рассмотрим, что привело к кризису идентичности сербов БиГ в австро-венгерский период. Маркерами сербской культурной идентичности, опиравшейся на этнокультурную составляющую, выступали: родной язык, родная земля, православие, проявление героического прошлого в народном творчестве и литературе, обычаи и традиции, идея жертвенности как часть исторической памяти.

После того, как по итогам Берлинского конгресса 1878 г. Австро-Венгрия взяла под контроль Боснийский вилайет Османской империи, в истории сербов началась новая эпоха. По результатам проведённой переписи, население новой австро-венгерской провинции составляло 1 млн. 400 тыс. человек, из которых 42% считали себя православными христианами, 39% — мусульманами, 17,5% — католиками и 2,5% — иудеями [Пахомова, 2008]. Таким образом, три основные этнические группы — сербы, бошняки и хорваты — составляли 98,5% населения. Фактически, на территории БиГ произошло столкновение трёх цивилизаций — южнославянской, западной и восточной, что привело к кризису культурной идентичности населения. Как отмечает Е.К. Вяземская, «австро-венгерские власти стремились противопоставить сербов хорватам, хорватов сербам, тех и других мусульманам, использовать религиозные различия и тем самым, лавируя между этими группами населения, играть роль арбитра» [Вяземская, 1997: 288].

Несмотря на официальный суверенитет Османской империи над этой областью, австро-венгерская власть провела ряд внутренних реформ: были внесены изменения в миграционное законодательство, сформированы новое правительство (*Земальска влада*) и государственный аппарат, подчинявшиеся австро-венгерскому министерству финансов и состоявшие, в основном, из католиков и иностранных чиновников (*куфераши*). Политика нового правительства, развивавшего идею триализма (создания конфедерации в составе Австрийской Империи, Королевства Венгрии и объединения южных славян во главе с Хорватией) привела к масштабной миграции, выселению мусульманского населения и притоку иностранного, причём католического⁴. Хорваты, видевшие возможность расширения своих национальных интересов, вели активную католическую пропаганду при поддержке властей. В. Мандич, описывая миграцию католического населения, в том числе иностранцев, в плодородную Посавину, рассказывает, что власти открывали католические храмы и школы для детей переселенцев, «закрывая сербские школы и изгоняя сербских учителей» [САРАЈЕВО 1914..., 2014: 92]. Такого же мнения придерживаются российские исследователи, отмечающие, что в Боснии «католизация» проводилась властями «более энергично, чем в других славянских землях, входивших в состав двуединой монархии» [Гостенков, 2013: 94]. Поскольку религия «служит способом хранения и обмена культурной истории и традиций <...>, она была использована совместно с национализмом и этничностью как маркер идентичности и способ дифференцирования социальных групп» [Берендеев, Дюшкова, 2009: 142].

В результате, политика триализма привела к сближению православных сербов и сербов-мусульман. Необходимо упомянуть, что в этот период рассматривались различные (в зависимости от политических амбиций австро-венгерских властей) варианты

интерпретации идентичности боснийского населения. Таким образом, БиГ стала своеобразной экспериментальной площадкой для формирования нового этноса, который должен был стать противовесом сербской национальной и культурной идентичности и служить интересам оккупационных властей. Одной из первых попыток стало изменение названия языка: несмотря на то, что сербы составляли большинство населения БиГ, официальный язык государства стали называть не сербским, а боснийским. При этом историю народа БиГ начали связывать с историей неславянского народа — иллирийцев, отделившегося от соседей — сербов и хорватов. Сербскую кириллицу переименовали в *босанчицу* [Екмечић, 2008: 319], вместо кириллицы стала насаждаться латиница.

Одним из первых шагов нового «боснийского проекта» стало появление в 1891 г. журнала «Бошняк», разъяснявшего, что сербы никогда не жили на территории БиГ. В противовес «Бошняку», активно работал сербский журнал «Босанска вила», продвигавший идею о проживании на территории БиГ сербского народа, исповедующего три религии. Большинство авторов журнала «Босанска вила» подписывалось «Сербь-мусульмане», реже — «Сербь-католики». Многие католики БиГ в конце XIX в. не идентифицировали себя как хорваты в этническом плане, считая, что отличаются от православных сербов только верой. Иво Андрич (нобелевский лауреат в области литературы 1961 г.), родившийся в австро-венгерский период в католической семье на территории Боснии, считал себя этническим сербом, при этом симпатизировал боснякам-мусульманам (роман «Мост на Дрине»). Он был одним из общественных деятелей, заявивших о единстве сербско-хорватского языка и подписавших Новисадский договор в 1954 г. Среди сербов-мусульман особо выделялся О. Джикич, автор многочисленных севдалинок⁵, подчёркивавший своё сербское происхождение.

⁴ Савић С. Земальски устав за Босну и Херцеговину из 1910. године: докторска дисертација. — Крагујевац :, 2016. — С. 182.

⁵ Традиционная боснийская любовная песня, жанр городского фольклора.

ние и настаивавший на том, что «сербы и мусульмане — это братья двух религий»⁶.

Австро-венгерская администрация установила контроль и над православной церковью, игравшей важную просветительскую роль. В 1880 г. по соглашению с Вселенским Патриархатом император Франц Иосиф получил право назначать православных митрополитов [Гаћиновић, 2018: 71; Пахомова, 2008]. Сербам было запрещено реставрировать церкви, совершать паломнические поездки в Сербию и Черногорию [Пахомова, 2009], иметь в домах иконы и праздновать Славу — день христианского покровителя семьи. Отметим: традиция празднования Славы играла важную роль в сохранении сербской идентичности. В то же время уважение к некоторым православным праздникам укоренилось и у сербских мусульман, которые чтут дни Св. Георгия и Св. Илии.

Свои действия в оккупированной стране Австро-Венгрия характеризовала как вид «цивилизаторской миссии» с элементами миротворчества; однако о культурном развитии народа Боснии и Герцеговины сложно говорить — достаточно сказать, что в 1909 г. 85,9% населения были неграмотны. В османский период школьное образование развивалось под влиянием и непосредственным руководством религиозных структур, поэтому представители австро-венгерской администрации приступили к сокращению конфессиональных и открытию интерконфессиональных школ. По свидетельству сербского историка М. Ковича, на всей оккупированной территории было построено всего четыре гимназии, в то время как в соседней Сербии их было более шестидесяти. В образовательной сфере правительство БиГ действовало по религиозному признаку, открывая и финансируя католические школы, в то время как православных школ было намного меньше, поскольку они строились за счет сербских народных средств [Ковић, 2014:

62]. В школах учили гимн Австро-Венгрии. После окончания школы молодёжь обычно уезжала учиться в Вену, где обучение велось на немецком языке, однако это могли себе позволить только представители обеспеченных семей.

Первые попытки решения образовательной проблемы начались в 1902 г. в связи с культурно-просветительской деятельностью сербской организации «Просвета», открывшей «сеть читален, благотворительных товариществ «Српкиня», сербские сельскохозяйственные артели, торговые и ремесленные общества» [Филимонова, 2011: 160]. «Просвета» начала финансировать образование талантливых, но небогатых школьников и студентов. Организация располагалась в Мостаре, который в то время являлся центром культурной и политической жизни БиГ. Яркими представителями «Просветы» были известный сербский поэт А. Шантич, современник уже упомянутого О. Джикича, и сербский писатель П. Кочич — лидеры борьбы за сохранение национальной идентичности через культурное влияние. Несмотря на препятствия со стороны властей, «Просвета» активно способствовала сохранению и трансляции сербской культурной идентичности, [Čorović, 1925: 63]. Организация помогала публиковать стихи, рассказы и повести, формировавшие сербскую литературу.

Австро-венгерская аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. вызвала бурную реакцию у сербов, несмотря на попытки властей погасить протесты. В 1910 г. была провозглашена первая Конституция БиГ, однако новый закон не внёс существенных изменений в жизнь населения края, поскольку все решения должны были предварительно согласовываться с австро-венгерскими властями⁷. Южнославянские народы, особенно молодёжь, мечтали об объединении под эгидой Сербии, которая для них была воплощением свободы: это была «страна свободных кре-

⁶ Ignić D. Osman Đikić — čovek koji je živeo ono što Šantić nije smeo // PTC. — 2020. — 30 apr. — URL: <https://www.rts.rs/page/stories/sr/story/711/merila-vremena/3938746/osman-djikic-sanic-srbin-musliman.html>

⁷ Савић, с. 183

стьян, владельцев своих земель, всеобщего избирательного права, парламентской демократии» [Ковић, 2014: 30]. Идея об объединении сербов и хорватов «вокруг демократической Сербии» возникла в среде сербской интеллигенции ещё в 1890-е гг. [Гуськова, 2001: 47]. Эту идею поддерживала разочарованная молодёжь, восхищавшаяся социальным положением в Сербии и, в первую очередь, той «социальной и политической свободой» [Ковић, 2014: 30], которой они были лишены в аннексированной Боснии.

Вместе с тем, нельзя не прислушаться к мнению Л.Ю. Пахомовой, считающей, что в указанный период по инициативе Вены «началось активное изучение края, к которому привлекались специалисты разных отраслей науки. Были основаны Земельный институт и Земельный музей в Сараеве. Сараево стал настоящим культурным центром всей провинции, где развивались наука, музыка, издательская деятельность, изобразительное искусство и др.» [Пахомова, 2008]. Создание учреждений культуры, в том числе театров и музеев, журналов и т.п., также трансформировало национально-культурную идентичность народа: спектакли шли не на родном, а на немецком языке, на том же языке исполнялись оперы и песни, предлагались разъяснения к экспонатам в музеях. Таким образом, в противовес планам «объединения разрозненного двумя империями «сербского племени» [Вишняков, 2014: 9], Вена использовала инструменты «мягкой силы» для недопущения объединения народов БиГ «на основе региональной или культурно-цивилизационной идеи» [Пономарева, 2020: 262].

Нарушение социально-культурного равновесия и стремление к вхождению БиГ в сербское культурное пространство привели к образованию молодёжных организаций, сформированных по этнокультурному признаку, и волне покушений на государственных деятелей. Богдан Жераич, предпринявший в 1910 г. неудачное покушение на генерал-губернатора Боснии и Герцеговины М. Варешанина, и позже совершивший самоубийство, стал символом освобождения. Под влиянием идей русских

анархистов (М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина), эсеров (Каляева И.П.), революционеров-мыслителей (А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского) и писателей (Ф.М. Достоевского, А.М. Горького) молодые представители интеллигенции создали тайную революционную организацию «Молодая Босния» (Млада Босна), выбрав название по аналогии с «Молодой Италией» (1831–1838), также боровшейся против австрийского господства. Один из основателей и лидер «Молодой Боснии» Владимир Гачинович объяснял, что его цель — «вызвать революцию в душах молодых сербов, чтобы спасти их от катастрофического влияния антинациональных идей и освободить их от кандалов с целью создания почвы для новой национальной жизни» [Гаћиновић, 1912: 1]. Неудивительно, что для многих молодых людей «Молодая Босния», с её целью объединения всех сербских, а затем и всех южнославянских земель, олицетворяла состояние души. Однако не все члены организации, включая самого В. Гачиновича, разделяли эту идею — последний призывал прибегать к индивидуальному террору по примеру российских народовольцев и эсеров.

Самым знаменитым членом «Молодой Боснии» стал Гаврило Принцип, считавший своим идейным предшественником Б. Жераича. Возвращаясь из своей первой поездки в Сербию, Г. Принцип принес на могилу Жераича комок «свободной сербской земли». Этот символический акт подчёркивал его приверженность идее сербской независимости и жертвенности, сформировавшейся у Г. Принципа со школьных лет. Для него верность «героическому» прошлому означала проецирование исторической памяти на собственную жизнь [Бадмаев, Хутиз, 2009: 76].

С детских лет Гаврило декламировал в кругу семьи героические стихи. Не последнюю роль в этом сыграла коллекция сербских героических песен, полученная им в подарок в школьные годы, и увлечение творчеством гусяров — исполнителей героико-эпических речитативов под музыку гусле — смычкового струнного инструмента, способствовавшего «сохранению духовности, народной традиции и великих

исторических мифов» [Митрович, 2019: 7]. Под гусле расширялся культ косовского залога. М.Н. Губогло пишет, что культурная идентичность нередко формируется под влиянием исторической травмы и может проявляться в идее жертвенности [Губогло, 2017: 127]. Роль этой идеи для членов «Молодой Боснии» связана с культом косовских героев — князя Лазаря и Милоша Обилича. Р. Гачинович подчёркивает, что Г. Принципа и его друзей вдохновлял героизм М. Обилича и его самопожертвование в борьбе с тираном [Гаћиновић, 2018: 171]. Косовская битва интерпретируется как маркер культурной идентичности, своего рода культурный код, который передавался из поколения в поколение, а инструментом трансляции были гусле.

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда члены Молодой Боснии воспринимали не как террористический акт, а как убийство тирана. Руководством к действию для Г. Принципа послужил исторический образ триумфа и страдания [Махинин, 2017: 58–59]. Не случайно был выбран и день покушения — Видов день, то есть день Косовской битвы — аттентат, который, по мнению заговорщиков, должен был символизировать окончание эпохи рабства и тирании. На суде Г. Принцип заявил, что руководствовался мотивами социальной справедливости. Он глубоко верил в идею национального объединения сербов, хорватов и мусульман на территории Балкан в рамках Югославии, свободной от какого-либо внешнего влияния; сущность Косовского залога была для него не религиозной идеей, а экстремальным проявлением национализма и борьбы за свободу в условиях кризиса национально-культурной идентичности сербов БиГ.

После процесса над Г. Принципом кризис сербской культурной идентичности обострился: в связи с репрессиями были запрещены сербский национальный флаг и использование кириллицы, государственным языком был объявлен хорватский; власти «стремились заручиться поддержкой мусульманского населения Боснии и

настроить его против сербов» [Рогов, 2015: 133]. Одновременно с этим была приостановлена полученная в 1905 г. церковная и школьная автономия сербов, стали закрываться сербские школы и редакции журналов. В 1915 г. редакцию журнала «Просвета» обвинили в измене, её имущество было конфисковано, работа прекращена. Сербская православная церковь была переименована в восточно-православную церковь.

Период австро-венгерского господства привёл к кризису национальной и культурной идентичности сербов Боснии и Герцеговины, что не могло не отразиться на национальном и культурном самосознании. Оккупация и аннексия исконной территории БиГ, попытки искоренения исторической памяти, преобладание иностранных чиновников в органах государственной власти, чуждая государственная символика, вытеснение и неоднократные переименования сербского языка и замена алфавита, пропаганда католицизма и контроль над православной церковью, запреты на отправление религиозных и этнокультурных обрядов, пренебрежение образовательными интересами коренного православного населения в пользу католического населения привели к кризису национальной и культурной идентичности сербов БиГ. Носителями и трансляторами культурной идентичности выступали семья, православные школы, Сербская православная церковь, журналы и интеллигенция, которая в образовании видела один из способов решения социокультурных проблем. В то же время, кризис национальной и культурной идентичности повлёк за собой создание тайных обществ и распространение революционных настроений. Новая сербская литература стала фундаментом пробуждения национально-культурного самосознания. Формировалось новое мировоззрение молодёжи, в основе которого лежала идея объединения сербов (православных и мусульман) и хорватов, стремившихся к созданию единого независимого государства.

Список литературы:

Lalić V. Ethnic minorities in bosnia and herzegovina — current state, discrimination and safety issues / V. Lalić, V. Francuz // *Balkan Social Science Review*. — 2016. — Vol. 8, № 8. — P. 153–178.

Толева Т. Австро-Венгрия и становление албанской нации, 1896-1908. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2018. — 503 с.

Абазович Д. Босния и Герцеговина: размышления о соотношении конфессиональной, этнической и национальной идентичности (на примере бошняков / мусульман) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. — 2014. — Т. 32, № 2. — С. 11–35.

Džino D. Becoming Slav, becoming Croat : identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. — Leiden : Brill, 2010. — XV, 271 p.

Y chromosomal heritage of Croatian population and its island isolates / L. Barać, M. Peričić, I.M. Klarić, [et al.] // *European Journal of Human Genetics*. — 2003. — Vol. 11, № 7. — P. 535–542. — DOI 10.1038/sj.ejhg.5200992.

Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). — Москва : Русский Национальный Фонд, 2001. — 717 с.

Буденкова В.Е. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы / В.Е. Буденкова, Е.Н. Савельева // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. — 2016. — № 1. — С. 31–44. — DOI 10.17223/22220836/21/4.

Катбамбетова М.А. Региональная идентичность в контексте многоуровневой идентичности // *Вестник Адыгейского государственного университета*. — 2013. — № 4. — С. 108–112.

Fong M. Communicating ethnic and cultural identity / M. Fong, R. Chuang. — Lanham : Rowman & Littlefield, 2004. — XIV, 393 p.

Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. — 2012. — № 2. — С. 144–162.

Губогло М.Н. «Три источника и три составные части» этнической идентичности // *Вестник антропологии*. — 2017. — № 2. — С. 113–135.

Селиверстова С.Н. Немецкая диаспора России: национальная и культурная идентичность // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. — 2012. — № 4. — С. 77–81.

Торопова Е.А. Национальная идентичность как компонент имиджа страны // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. — 2010. — № 4. — С. 219–230.

Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // *Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. — 2013. — Т. 13, № 2. — С. 178–180.

Шамсутдинова Д.В. Научный взгляд на процесс формирования национально-культурной идентичности / Д.В. Шамсутдинова, Р.И. Турханова // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. — 2016. — № 1. — С. 58–60.

Пономарева, Е. Г. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии / Е. Г. Пономарева, Т. И. Попадьева // *Дискурс-Пи*. — 2019. — № 3. — С. 98–119. — DOI 10.24411/1817-9568-2019-10307.

Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. — 2016. — № 5. — С. 32–41.

Вальгер О.А. Личность в освоении маркёров национальной идентичности // *Человек.RU*. — 2016. — № 11. — С. 89–95.

Lustig M.W. Intercultural competence : interpersonal communication across cultures / M.W. Lustig, J. Koester. — Boston : Allyn & Bacon, 2010. — XII, 388 p.

Kaul V. Globalisation and crisis of cultural identity // *Journal of Research in International Business and Management*. — 2012. — Vol. 2, № 13. — P. 341–349.

Meissner W. China's Search for Cultural and National Identity from the Nineteenth Century to the Present // *China Perspectives*. — 2006. — № 6. — P. 41–54. — DOI 10.4000/chinaperspectives.3103.

- Митрович, М. На страже сербской истории: феномен гусле // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2019. — № 1. — С. 3–22. — DOI 10.21638/11701/spbu19.2019.101.
- Будич Н.Ю. Взаимосвязь самосознания и самоопределения личности / Н.Ю. Будич, Т.В. Канаева // *Сибирский психологический журнал*. — 2007. — № 25. — С. 14–19.
- Ђоровић В. Историја Срба. — Београд : Дом и Школа, 2006. — 833 с.
- Миленкевич Н.И. «Песнь о нибелунгах» и героические песни косовского цикла: типологические связи // *Весник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна*. — 2011. — № 3. — С. 153–157.
- Колосков, Е. А. Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2016. — № 2. — С. 152–168. — DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.210.
- Махинин А.Н. «Политика памяти» и «социокультурной травмы» в контексте формирования российской идентичности // *БЕРЕГИНЯ.777.СОВА: Общество. Политика. Экономика*. — 2017. — № 4. — С. 56–62.
- Пахомова, Л. Ю. Анализ причин и характера антиавстрийского выступления в 1881–1882 гг. российскими дипломатами // *Государственное управление. Электронный вестник*. — 2009. — № 21. — URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/21_2009pakhomova.htm
- Бирюков С.В. Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // *Русин*. — 2018. — № 3. — С. 193–209. — DOI 10.17223/18572685/53/11.
- Пахомова Л.Ю. Проблема управления новоприсоединенными землями в Новое время. Опыт австро-венгерского управления оккупированными областями — Боснией и Герцеговиной (1878–1908 гг.) // *Государственное управление. Электронный вестник*. — 2008. — № 16. — URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/16_2008pakhomova.htm
- Вяземская Е.К. Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // *На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв.* — Москва : Индрик, 1997. — С. 286–301.
- САРАЈЕВО 1914. : сведочења / Уредник Драган Миленковић. — Београд : Просвета; Велико Градиште: Народна библиотека «Вук Караџић», 2014. — 206 с.
- Гостенков А.В. Боснийский кризис // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. — 2013. — Т. 4. № 2. — С. 91–104.
- Берендеев М.В. Этнополитический дискурс идентичности в региональном пространстве бывшей Югославии: боснийский синдром / М.В. Берендеев, А.Ю. Дюшкова // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. — 2013. — № 12. — С. 139–149.
- Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања — Историја Срба у Новом веку 1492–1992. — Београд : Завод за уџбенике, 2008. — 616 с.
- Гађиновић Р. Млада Босна. — Београд : EvroBook, 2018. — 629 с.
- Ковић М. Гаврило Принцип — Документи и сећања. — Нови Сад : ИК Прометеј, 2014. — 1000 с.
- Филимонова А.И. Босния и Герцеговина // *Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. — Москва : Индрик, 2011. — С. 157–174.
- Ćorović V. Bosna i Hercegovina. — Belgrad : Makarije, 1925. — 200 s.
- Вишняков Я.В. «Чёрная рука» в сербской политике начала XX века // *Военно-исторический журнал*. — 2014. — № 10. — С. 8–13.
- Пономарева Е.Г. «Новое прошлое» Западных Балкан // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. — 2020. — № 5. — С. 260–272. — DOI 10.22204/2587-8956-2020-102-05-260-272.
- Гађиновић В. Смрт једног хероја. — Београд : Пијемонт, 1912. — 14 с.
- Бадмаев В.Н. Историческая память и конструирование национальной идентичности / В.Н. Бадмаев, З.А. Хутиз // *Новые технологии*. — 2009. — № 4. — С. 75–79.
- Рогов Д.И. Национальная проблема в Австро-Венгрии в начальный период Первой мировой войны в освещении "The Times" // *Вестник Тамбовского государственного университета*. — 2015. — № 5. — С. 132–139.

References:

- Lalić, V. and Francuz, V. (2016) 'Ethnic minorities in bosnia and herzegovina — current state, discrimination and safety issues', *Balkan Social Science Review*, 8(8), pp. 153–178.
- Toleva, T. (2018) *Avstro-Vengrija i stanovanje albanskoj nacii, 1896-1908 [Austria-Hungary and Albanian nation building, 1896-1908]*. Moscow: Institute of Slavic Studies Publ. (In Russian).
- Abazovic, D. (2014) 'Bosnia and Herzegovina: Rethinking the relationship between confessional, ethnic and national identities (focus on bosniaks/Muslims)', *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom/ State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 32(2), pp. 11–35. (In Russian).
- Džino, D. (2010) *Becoming Slav, becoming Croat : identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia*. Leiden: Brill.
- Barač, L. et al. (2003) 'Y chromosomal heritage of Croatian population and its island isolates', *European Journal of Human Genetics*, 11(7), pp. 535–542. doi: 10.1038/sj.ejhg.5200992.
- Guskova, E. Y. (2001) *Istorija jugoslavskog krizisa (1990-2000) [History of the Yugoslav Crisis]*. Moscow: Russkij nacional'nyj fond Publ. (In Russian).
- Budenkova, V. E. and Savelieva, E. N. (2016) 'Identity as a Topic of Theoretical and Methodological Analysis: Models and Approaches', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 21(1), pp. 31–44. doi: 10.17223/22220836/21/4. (In Russian).
- Katbambetova, M. A. (2013) 'Regional Identity in the Context of Multi-Level Identity', *The Bulletin of the Adyge State University*, (4), pp. 108–112. (In Russian).
- Fong, M. and Chuang, R. (2004) *Communicating Ethnic and Cultural Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Kochetkov, V. V. (2012) 'National and Ethnic Identity in the Modern World', *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (2), pp. 144–162. (In Russian).
- Guboglo, M. N. (2017) 'Three Sources and three Components of Ethnic Identity', *Herald of Anthropology*, (2), pp. 113–135. (In Russian).
- Seliverstova, S. N. (2012) 'Nemeckaja diaspora Rossii: nacional'naja i kul'turnaja identichnost' [German Diaspora in Russia: National and Cultural Identity]', *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*, (4), pp. 77–81. (In Russian).
- Toropova, E. A. (2010) 'National Identity as Country's Image Component', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (4), pp. 219–230. (In Russian).
- Russkikh, L. V. (2013) 'Identity: Cultural, Ethnic, National', *Bulletin of the South Ural State University. Series, Humanities and social sciences*, 13(2), pp. 178–180. (In Russian).
- Shamsutdinova, D. and Turhanova, R. (2016) 'Scientific Opinion on the Formation of National and Cultural Identity', *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (1), pp. 58–60. (In Russian).
- Ponomareva, E. G. and Popadeva, T. I. (2019) 'Youth Identity Trends in Bosnia and Herzegovina and North Macedonia', *Scientific Journal "Discourse-P"*, (3), pp. 98–119. (In Russian).
- Astafyeva, O. N. (2016) 'National-cultural identity in the context of globalization: a complex vector of development', *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*, (5), pp. 32–41. (In Russian).
- Valger, O. A. (2016) 'Personal acquisition of national identity markers', *Chelovek.RU*, (11), pp. 89–95. (In Russian).
- Lustig, M. W. and Koester, J. (2010) *Intercultural competence : interpersonal communication across cultures*. Boston: Allyn & Bacon.
- Kaul, V. (2012) 'Globalisation and crisis of cultural identity', *Journal of Research in International Business and Management*, 2(13), pp. 341–349.
- Meissner, W. (2006) 'China's Search for Cultural and National Identity from the Nineteenth Century to the Present', *China Perspectives*, (6), pp. 41–54. doi: 10.4000/chinaperspectives.3103.
- Mitrovich, M. (2019) 'On Guard of Serbian History: the Phenomenon of Gusle', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, (1), pp. 3–22. doi: 10.21638/11701/spbu19.2019.101. (In Russian).

- Budich, N. Y. and Kanaeva, T. V. (2007) 'The Intercorrelation of Self-Awareness and Self-Determination of Personality', *Siberian Journal of Psychology*, (25), pp. 14–19. (In Russian).
- Ćorović, V. (2006) *Istorija Srba [History of Serbs]*. Belgrad: Dom i Škola Publ. (In Serbian).
- Milenkevich, N. I. (2011) 'Pesn' o nibelungah" i geroicheskie pesni kosovskogo cikla: tipologicheskie svyazi ["The Nibelungenlied" and Heroic Songs from Kosovo Cycle: Typological Ties].', *Vesnik Mazyrskaga dzjarzhajnaga pedagogichnaga yuniversitjeta imja I.P. Shamjakina*, (3), pp. 153–157. (In Russian).
- Koloskov, E. A. (2016) 'Kosovo myth in Contemporary Serbian and Albanian Historiography: Stages and the Main Trends', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 20(2), pp. 152–168. doi: 10.21638/11701/spbu19.2016.210. (In Russian).
- Mahinin, A. N. (2017) 'Policy of Memory and Sociocultural Trauma in the Context of Formation of the Russian Identities', *Beregina.777. Sova*, (4), pp. 56–62. (In Russian).
- Pakhomova, L. Y. (2009) 'Russian Diplomats Against Austria in 1881–1882: Reasons and Nature of Opposition', *Gosudarstvennoe upravlenie*, (21). Available at: http://ee-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/21_2009pakhomova.htm. (In Russian).
- Biryukov, S. V. (2018) 'The Austro-Hungarian Empire, the Genesis of National Movements and the Rusinian Question', *Rusin*, (3), pp. 193–209. doi: 10.17223/18572685/53/11. (In Russian).
- Pakhomova, L. Y. (2008) 'Problems of Administration of the Newly Acquired Territory in Modern Times. The Austrian Experience in Bosnia and Hercegovina (1878–1908)', *Gosudarstvennoe upravlenie*, (16). Url: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/16_2008pakhomova.htm. (In Russian).
- Vyazemskaya, E. K. (1997) 'Porohovoj pogreb na Balkanah — Bosniya i Gercegovina 1878–1918 gg. [Powder Magazine in the Balkans — Bosnia and Herzegovina 1878–1918].', in *On the way to Yugoslavia: pros and contras. Outlines of the history of national ideologies of the South Slavic peoples. Late 18th – early 20th century*. Moscow: Indrik Publ, pp. 286–301. (In Russian).
- Milenković, D. (ed.) (2014) *SARAJEVO 1914: svedočenja*. Belgrad: Prosveta; Veliko Gradište: Narodna biblioteka «Vuk Karadžić». (In Serbian).
- Gostenkov, A. V. (2013) 'The Bosnian Crisis', *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Puškina*, 4(2), pp. 91–104. (In Russian).
- Berendeev, M. V. and Dyushkova, A. J. (2013) 'The Ethno-Political Discourse of Regional Identity in Former Yugoslavia: the Bosnian Syndrome', *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, (12), pp. 139–149. (In Russian).
- Ekmečić, M. (2008) *Dugo kretanje između klanja i oranja istorija Srba u novom veku (1492–1992)*. Belgrad: Zavod za udzbenike. (In Serbian).
- Gaćinović, R. (2018) *Mlada Bosna [Young Bosnia]*. Belgrad: EvroBook Publ. (In Serbian).
- Ković, M. (2014) *Gavrilo Princip : dokumenti i secanja*. Novi Sad: Prometej Publ. (In Serbian).
- Filimonova, A. I. (2011) 'Bosnia and Herzegovina', in *Yugoslaviya v XX veke: Ocherki politicheskoy istorii [Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History]*. Moscow: Indrik Publ, pp. 157–174. (In Russian).
- Ćorović, V. (1925) *Bosna i Hercegovina*. Belgrad: Makarije Publ. (In Serbian).
- Vishnyakov, Y. V. (2014) 'The Serbian politics' «Black Hand» in the early XX century', *Voenno-istoričeskij žurnal*, (10), pp. 8–13. (In Russian).
- Ponomareva, E. G. (2020) 'The "New Past" of the Western Balkans', *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obščestvennye nauki*, (5), pp. 260–272. doi: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-260-272. (In Russian).
- Gaćinović, V. (1912) *Smrt jednog heroja*. Belgrad: Pijemont Publ. (In Serbian).
- Badmayev, V. N. and Khutyz, Z. A. (2009) 'Historical Memory and Construction of National Identity', *Novye tehnologii*, (4), pp. 75–79. (In Russian).
- Rogov, D. I. (2015) 'National Problem in Austria-Hungary at the Early Period of World War I in the Interpretation of "The Times"', *Tambov University Review. Series: Humanities*, (5), pp. 132–139. (In Russian).

Информация об авторах

Зорка Шарац (Босния и Герцеговина) — аспирант кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Елена Владимировна Воевода — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Zorka Šarac (Bosnia and Herzegovina) — PhD student, Department of Pedagogy and Psychology, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Elena V. Voevoda — Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 5.04.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 06.09.2021.

The article was submitted 5.04.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 06.09.2021.